

ПРОЛОГ

Сердце буквально рвалось из груди. Почему все должно закончиться именно так? Отчаянно хотелось закричать, разорвать самого себя на части. Повалить кого-нибудь на землю и пинать ногами до тех пор, пока тот не испустит дух. Независимо от того, он ли это будет или же кто-то другой, также заслуживающий этого. В данный момент, по его представлениям, весь мир заслуживал смерти.

Он пошел быстрее. Под ногами чавкала слякоть. Он ненавидел эти места. Темнота, холод, сырость. И так, черт возьми, постоянно. Сам не зная почему, он направился к воде. Вскоре стал слышен шум волн. Чем ближе он подходил к берегу, тем сильнее становилось желание прыгнуть в море и разом забыть обо всем. Как бы ему хотелось уехать отсюда: он ненавидел эту деревушку и всех ее обитателей. Он почувствовал, что мерзнет. Был так возбужден, что ушел, не взяв куртку. В какой-то момент, заметив это, хотел было вернуться, однако это значило бы потерять лицо. А потерять лицо — это последнее дело. Нет, он победит их всех — уедет и преуспеет в этой жизни, а потом вернется сюда и покажет, чего достиг. Да он чего угодно добьется, ждет не дождется, когда можно будет начать. Ну и хрен с ними! Он был уже почти у самого моря, ощущал губами соленые брызги волн. Облизнул губы. Сейчас он чувствовал, что способен на все. Отнять у себя собственную жизнь, убить кого-нибудь — безразлично. Он заслуживает лучшей участи, в его власти все на свете, он может делать, что только захочет. Он остановился, сорвал с себя свитер, подставив обнаженное тело укусам ноябрьской стужи. Холодно было до боли, оставаться раздетым становилось по-настоящему опасно. Снова появилось желание броситься в волны, одним махом покончить со всем. Однако внезапно, издав вопль отчаяния, он как-то разом сник и осел на землю, всхлипывая и задыхаясь от перехвативших горло рыданий. Не обращая при этом никакого внимания на сырую заиндевелую траву, облепившую тело. Несмотря на то, что для этого

ДЖЕННИ ЛУНД МЭДСЕН

времени года погода все еще оставалась довольно мягкой, холод вскоре проник в каждую его клеточку, подбираясь к самому сердцу. Как же все-таки это несправедливо! Все прочие могут спокойно находиться в своих теплых комнатах, без каких-либо там проблем, без всяких сломанных только что жизней, в то время как он, будто зверь, сидит тут в пустоте и одиночестве. Он снова всхлипнул, попытался справиться с собой, чувствуя, как весь он наполняется жалостью к самому себе. В данный момент у него было только одно желание: чтобы кто-нибудь его обнял. И он знал, кто всегда готов его обнять, — хотя он только что ее отверг. Сама лишь мысль об этом подействовала на него как некоего рода утешение. Рыдания мало-помалу стихли, но тело все еще сотрясилось от холода. Ему надо к ней домой, упасть в ее объятия, выпить чашку чая.

Внезапно он что-то увидел — это вдалеке мелькнули фары автомобиля. Машина подъехала ближе, и ему показалось, что он даже на расстоянии узнает ее. Ни у кого больше в деревне не было таких слепящих фар. Вот дерьмо! Это последнее из того, что ему в данный момент нужно. Какого дьявола, спрашивается, болтать с этим идиотом?! Он поднялся на ноги и надел свитер. Нет уж, лучше вернуться домой — жить, а не умирать. В этот момент за спиной прозвучал чей-то голос — кто-то назвал его по имени. Неужели правда? Или показалось? Он хотел было обернуться, но не успел. Удар! Как будто на голову ему рухнуло небо. Упав на землю, он успел еще ощутить холод мокрой травы и текущую меж прядей волос струйку крови. Почувствовал, как кто-то схватил его за ногу и тащит к воде. Попытался пошевелиться, но не смог. Вслед за этим сознание полностью померкло, и потому он не увидел, как кто-то сделал с его телом то, о чем он сам только что размышлял: опустил в темную, ледяную, несущую смерть морскую воду.

Их руки сплелись на общем подлокотнике, они одновременно откинулись на спинки кресел и посмотрели друг на друга. Он на какое-то мгновение раньше, чем она. Он боялся летать, она — нет, однако делала вид, что тоже боится. Глаза их сияли любовью. Покидая землю, они будто ласкали друг друга взглядами.

Она: Я жила в палатке на склоне горы.

Он: Я катался на лыжах.

Она: У меня от тебя дух захватывает.

Он: Я танцевал в Брюсселе.

Самолет уже в воздухе. Его слегка влажная от пота рука...

Так! Ну и что теперь? Как перейти от любви с первого взгляда к психологии любовных отношений? Как описывать чувства любящей пары, не рискуя, что при этом у тебя не выйдет дурная копия Гете или, что еще хуже, неплохая копия Барбары Картленд?¹ Как бы там ни было, но это будет слишком уж банально. Решительно нажав на «Delete», она удалила весь отрывок, смыла чувство неудовлетворенности большим бокалом красного вина. За ним последовал еще один — одного бокала было явно недостаточно, чтобы отделаться от ощущения заурядности, посредственности. У Ханны Краузе-Бендикс никогда еще не было негативных рецензий, никто из критиков не написал ни единого дурного слова ни об одном из ее четырех романов. Среди современных отечественных писателей она считалась звездой первой величины, ее дважды номинировали на литературную премию «Северного совета». Правда, оба раза безрезультатно. Однако что из того? Она не считала, что литературу можно оценить премиями. Многие из тех, что присуждались ей за все эти годы, она просто-напросто не брала. Все свои сорок пять лет она

¹ *Барбара Картленд (1901–2000) — английская писательница, автор многочисленных любовных романов. (Здесь и далее — Прим. пер.)*

полагала, что выше всего — целостность и неизменность подхода, а стремление к коммерческому успеху всегда считала ниже собственного достоинства. Быть может, лишь один ее издатель знал, что здесь она лукавит. Диалог, заново:

Он: В Копенгагене есть такие улицы, которые существуют лишь в моих снах.

Она: Однако ведь от этого они не становятся менее реальными?

Снова «Delete». Никогда прежде в своих книгах она не пыталась описывать ощущение влюбленности с первого взгляда, и пока что все это выглядит как прелюдия к свиданию на одну ночь без продолжения. Ханна нервно встала из-за письменного стола — немецкий дизайн, красное дерево, достаточно прочный, чтобы выдерживать все написанные ею, разумеется, гениальные слова. Но сегодня выдерживать практически нечего — не идут они, эти слова. И сегодня тоже. Ханна быстрым шагом прошла по своей мансардной квартирке. Много времени это не заняло — всего каких-то шестьдесят семь квадратных метров. Остановилась у окна, открыла его, выпустила дым от сигареты поверх городских крыш. Отличный денек. Копенгаген наслаждается осенним солнцем. Несмотря на то, что на дворе уже ноябрь, люди ходят с короткими рукавами. Как будто это может продлить лето. Иной раз она даже завидует им, этим людям, которые катают в колясках свое потомство и безмятежно приветствуют друг друга, потягивая соевый латте из бумажных стаканчиков. По воскресеньям копенгагенцы всегда выглядят такими счастливыми. В какой-то момент она даже подумала: может, ей все же сходить туда? После этого Бастиан месяцами перед ней на цыпочках ходить будет. А что, неплохая идея: в течение нескольких месяцев благодарный и сговорчивый издатель. Весьма заманчиво. Однако уже в следующую секунду Ханна с негодованием отшвырнула окурки. Ни за что на свете она не пойдет на эту гнусную книжную ярмарку и не собирается подписывать свои романы жалким плебеям, которым неведома разница между книжкой и литературой. Кроме того, ее отсутствие вряд ли станет разочарованием для всех этих читателей. Ведь ее читательская

аудитория настолько же мала, насколько элитарна — несмотря на признание в литературных кругах, ей приходится пользоваться поддержкой со стороны государства. Ее книги особого рода: сделав глоток кофе, пожилой господин размышляет над последующими сорока страницами, прежде чем отхлебнуть снова. При этом остывает не только кофе. Большинство ее читателей — хладнокровные, трезвомыслящие люди.

Ханна отправилась на кухню, пытаясь убедить себя, что ей что-то там понадобилось. Придумала некий голод, хотя прошел всего лишь час после завтрака. Нет, правда, всего лишь час? Взгляд, брошенный на электронные часы на плите, заставил ее ощутить укол совести: нет еще и одиннадцати, а она уже пьет третий бокал вина и курит пятую сигарету. С этим надо кончать. Отныне никакого алкоголя до двенадцати. Такое обещание она давала себе уже множество раз, зная, что и теперь его не сдержит. Полное соответствие этому чертову общепринятому стереотипу — какая фигура должна быть у писателя. Ханна открыла пару шкафчиков и снова их закрыла. Тот же ритуал с холодильником: открыла — закрыла. Желание что-то съесть, тем не менее, так и не появилось. Не хотелось решительно ничего. Почему в последнее время вдохновение все чаще стало ей изменять?

Поправка: изменяет не само вдохновение. Как раз вдохновляющих впечатлений у нее вполне достаточно. А вот что касается обработки их — в письменной, разумеется, форме... Внезапно возникшее ощущение, острое наблюдение, удачно найденное слово не становятся теперь отправной точкой сюжета. Да и честно говоря, теперь их практически нет. Точнее, те, что все-таки время от времени появляются, никуда не годны: либо какие-то штампы, либо пафосная чушь, либо откровенная мелочевка. Ей больше не удастся заставить дрожать этот нерв, на чем и строилось все ее предыдущее творчество. Описание характеров всегда было сильной стороной Ханны. Чисто интуитивно ей удавалось настолько ярко нарисовать портреты своих героев, что читателям казалось, будто она не просто знает того или иного персонажа, а она и есть тот самый человек. Она была наблюдателем. В то время как сидящие за столом участники шумной компании, перебивая друг друга,

непрерывно пытались высказаться, Ханна наблюдала за ними. Она не повышала голоса, избегала каких-либо жестов, способных привлечь к ней внимание, — просто тихо сидела и слушала, а в те моменты, когда дискуссия обострялась, на губах ее появлялась мимолетная улыбка. По бегающему взгляду человека и по его заумному пустословию Ханна видела, насколько далеко все сказанное им от истины, как отчаянно он пытается не быть уличенным. В чем именно? В отсутствии душевного равновесия, в унынии и скуке, в стремлении защищать те ценности, которые являются непозволительной роскошью в окружающем нас реальном мире. Именно такого сорта философия являлась отличительной чертой ее книг, для этого она и создавала характеры своих, порой невероятных, персонажей. И все это с единственной целью — сделать читателя умнее. Правда, она уже стала сомневаться, что написанное ею может сделать кого бы то ни было умнее. И меньше всего ее саму. Все это лишь бесконечный поток мыслей, отображенный на бумаге в виде строк. Потому-то она теперь и решила попробовать заняться любовной темой. Вдруг это поможет ей вернуться на прежний правильный путь? Или же откроет какой-то новый. Однако как же это сложно — описывать любовные чувства, когда сама на этом поприще не особо преуспела. И вдвойне тяжело, когда, откровенно говоря, не слишком-то в них веришь. Она выглянула из окна кухни во дворик, где играли дети. Разумеется, если можно было назвать игрой то, что они делали — зачерпывали из огромной бочки дождевую воду и поливали ею цветы. Судя по радостному визгу и довольным улыбкам детей, занятие это доставляло им истинное наслаждение. Ханна вздохнула: надо же, такая легкая и беззаботная жизнь. Встряхнувшись, она попыталась прогнать эту мысль: куда это годится — заниматься сентиментальными копаниями на свой собственный счет. Если уж говорить начистоту, то кое в каких собственных проблемах, в частности любовных, она сама виновата. Не то, что бы она вообще не была способна любить. Нет, она влюблялась, и даже довольно часто. Но всегда ненадолго. В общении с окружающими ей и так не всегда хватало терпения, что же касается любовных чувств, то она разочаровывалась прежде, чем они получали какое-то осязаемое

развитие. Хотя «разочарование», пожалуй, не совсем верное слово. Точнее всего, Ханне становилось скучно. Может, из-за того, что, постоянно занимаясь созданием портретов своих персонажей, она всегда чувствовала некое превосходство над всеми вокруг. Ей не хватало чего-то, что могло ее поразить, или кого-то, кого она не могла просчитать. Ханна уже начала сомневаться, что такое с ней когда-нибудь случится.

У Бастиана никогда не было ни тени сомнений на ее счет. А вот здравый смысл ему порой, казалось, изменял. Если бы он не был ее лучшим (да что уж там, единственным) другом, самым верным фанатом и бесконечно снисходительным издателем, она бы уже много лет назад порвала с ним из-за полного отсутствия коммерческой жилки. Ханна часто задавалась вопросом: а вообще говоря, зачем она ему? Из всех тех, с кем сотрудничал Бастиан, Ханна была единственным настоящим писателем. Все остальные «писатели», чьи опусы он печатал, были авторами поваренных книг, детективов или же низкопробных авантюрных романов — всего этого вполне безобидного, легко усваиваемого чтива. Здесь имелись сплошь готовые ответы, однозначно хорошие и плохие люди, всегда получающие свое решение проблемы. Романы Ханни никогда не содержали ответов. В них и вопросов-то не было. Они заставляли читателя задуматься. Погрузиться в текст. Прочувствовать его. А это далеко не каждому дано. Ханна привыкла иметь дело с элитарным читателем. И прекрасно понимала, что это не она должна была бы вынашивать планы расставания с Бастианом, а ему уже давным-давно следовало ее бросить. Работать с ней трудно, книги не продаются. То, что вот уже четырнадцатый год Бастиан настаивает на ее сотрудничестве с его издательством, может объясняться лишь тремя вещами: престиж, филантропия и отсутствие коммерческой жилки. Каждый раз, когда она задумывалась над этим, третья причина представлялась ей наиболее правдоподобной. В секундном приступе желания помочь другу вести дела более рационально она решила, что просто обязана ему чем-то отплатить. Позвонив Бастиану, она объявила, что придет на книжную выставку. Все равно сегодня ей не пишется. Бастиан был счастлив.

2

Закурив у входа в «Белла-центр»¹, Ханна уже успела пожалеть о своей инициативе. Наполнив легкие сигаретным дымом, она собиралась с силами и попутно разглядывала разношерстную публику, входящую и выходящую сквозь приводимые в движение нажатием руки револьверные двери из толстого, захватанного пальцами стекла. Седые пенсионеры, приехавшие из Ютландии энтузиасты, дети — все стремились побывать в этом мире книг. С этими людьми ей и предстояло побеседовать. О господи милостивый, убей меня медленно!

— Извини, но может, ты все же отойдешь подальше от входа с этой своей сигаретой?

Обернувшись, Ханна едва не уткнулась носом в прическу женщины, которую в прежние времена вполне можно было бы принять за прекрасную дюрку. Эта же, по всей видимости, была детским воспитателем, и ее осветленные волосы отросли на добрых четыре сантиметра со времени последнего окрашивания. Посмотрев с высоты своего роста вниз на женщину, Ханна заметила горящее в ее глазах возмущение. Воспитательница с видом оскорбленной добродетели окинула стоящую позади нее беспокойную стайку детишек.

— Зона для курящих вон там.

Женщина показала на строение, расположенное так далеко, что Ханна едва смогла его различить. Ханна наградила ее широкой улыбкой.

— О'кей, так мне что же теперь, в Швецию отправляться, чтобы выкурить сигаретку?

— Все это ради детей. При виде курящих они тоже могут захотеть. Или даже получить рак.

— Увидев, что я курю?

— Вдыхая дым.

¹ «Белла-центр» — выставочный комплекс в Копенгагене, место проведения ежегодных книжных выставок-ярмарок.

Устав пререкаться, Ханна перевела взгляд с доярки-воспитательницы на ребятишек, которые глазели на нее, как на какого-то Дарта Вейдера. Затем наклонилась к стоящему первым сопливому краснощекому мальчугану и протянула ему дымящуюся сигарету.

— Докурить хочешь?

Мальчик в испуге замотал головой. Ханна выпрямилась и посмотрела в глаза воспитательнице.

— Сама видишь, ни на какие гадости я никого не сподвигну.

Потушив и отшвырнув окурок, Ханна повернулась и вошла внутрь, разом окунувшись в выставочный ад и пропустив мимо ушей истошный вопль воспитательницы, требовавшей бросать окурки исключительно в урну.

Закутки из книжных прилавков со стоящими тут же продавцами составляли стены лабиринта, по которому бродили самые разные люди — от благообразных седовласых пенсионеров до юных парочек с детьми. Одни — в поисках очередного книжного шедевра, другие — в надежде встретиться с любимым писателем, однако большинство — в попытке сбежать от домашней тоски и скуки. Накрутив на голову платок, Ханне удалось, пробираясь вперед, избежать встреч с коллегами, журналистами и читателями. Дойдя до стенда, на котором были расставлены ее книги, она вдруг покрылась холодным потом и почувствовала, что ей становится трудно дышать. Обострение проклятой агорафобии! Так вот где ей придется раздавать автографы. Бастиана все еще не было видно, а ведь он обещал, что придет. Она с досадой констатировала, что все ее выставленные книжки, судя по всему, по-прежнему стоят на месте и непохоже, чтобы кто-нибудь ими интересовался. Кроме Ханны на стенде маячила лишь фигура издательской практикантки. Когда Ханна сняла платок, практикантка ее не узнала.

— На эти книжки специальное предложение: две по цене одной. Никак не расходятся, хотя сами книги действительно отличные. Автор — дважды лауреат литературной премии «Северного совета».

Ханна почувствовала, как у нее неприятно засосало под ложечкой.

— Этому писателю никогда не присуждали премию «Северного совета» в области литературы.

— Да не может такого быть. Это ведь Ханна Краузе-Бендикс. На самом деле, она одна из лучших датских писателей, просто ее мало кто знает. Между прочим, мой любимый автор.

У Ханны возникло острое желание извлечь из сумки револьвер, которого, к счастью, там никогда не было. Убийственный сарказм оставался ее единственным оружием.

— О'кей, любимый автор, говоришь? В таком случае какой из ее романов можешь порекомендовать?

Практикантка слегка помедлила, чувствуя, что завралась.

— «Я прихожу в тишине» — вещь и вправду эпическая.

— Эпическая?

— Ну, знаешь, книга и вправду довольно-таки необычная, но таков уж писательский стиль. По-настоящему глубокая вещьца.

— Глубокая?

— Ну, понимаешь, это сложно объяснить, потому что...

— Потому что ты ее не читала? — перебила Ханна.

Практикантка растерянно моргала, силясь собраться с мыслями для достойного ответа. Однако Ханна ее опередила.

— Как ты можешь продавать на книжной ярмарке произведения, которые, как утверждаешь, читала, когда слепому видно, что о литературе тебе известно не больше, чем самому последнему неграмотному...

— Неграмотному кому?

За спиной у Ханны неожиданно выросла двухметровая фигура Бастиана. Взглянув на Ханну, он перевел вопросительный взгляд на съезжившуюся за прилавком, едва не плачущую практикантку.

— Неграмотному идиоту.

Ханне было досадно, что в голову ей не пришло какое-нибудь более утонченное оскорбление. В то же время она с раздражением отметила, что практикантке, похоже, не были ведомы ни страх, ни стыд, так что ни о каком нервном срыве

речь не шла. Вместо этого девица выпрямилась и приосанилась, наверняка убежденная в том, что сейчас ее шеф — высоченный красавчик Бастиан — выведет напавшую на нее женщину в наручниках вон из здания. Ханна знала, что от этого не сделает.

— Клаудия у нас новенькая, изучает литературоведение.

Услышав это представление и наверняка не оставляя мыслей о наручниках, Клаудия выпятила грудь и развернулась к Бастиану.

— Просто я пыталась рассказать этой клиентке о творчестве Ханны Краузе-Бендикс, а она на меня накинулась и обругала.

Ну разумеется. Женщина, с готовностью принимающая на себя роль жертвы. Как банально!

Практикантка Клаудия покосилась на Бастиана. Так где же наручники?

Ханне же их конфликт даже начал нравиться. Если ей повезет и Бастиан уволит эту невежду, то получится, что именно благодаря Ханне издательство сможет с корнем выдрать этот гнилой зуб. Те, кто пытается поучать других по поводу вещей, о которых сам толком ничего не знает, должны умирать медленной, мучительной смертью. С другой стороны, Ханна хотела поскорее приступить к тому, ради чего она здесь, собственно, и оказалась, а продление и так затянувшегося спора, несомненно, никак не увеличит количество подписанных ею экземпляров.

— Не знаю, на чем ты там специализируешься — на чтении балансовых отчетов или же модных блогов, — но уж точно не на романах. Ибо, да будет тебе известно, я и есть та самая Ханна Краузе-Бендикс, написавшая все эти книги, которые ты пытаешься тут сбыть, как банки маринованных огурцов на распродаже.

Клаудия тяжело вздохнула.

— Ханна, она новенькая.

Бастиан попытался подвести черту под ссорой и не усугублять унижение.

— Я же не знала... На фотографии ты совсем не такая... Сейчас ты выглядишь значительно старше.